

НИКИТИН-ГРОМОВ И. Н. — АНДРЕЕВОЙ М. Ф.

НИКИТИН-ГРОМОВ Иван Никитич, родился в 1877. Окончил начальную школу, работал в хлебопекарне в Пскове, позднее — на бумагопрядильной фабрике в Санкт-Петербурге. С семнадцати лет преподавал в деревенской школе. После окончания учебной семинарии преподавал в земской школе Ново-Торжевского уезда. С 1918 — преподавал в школе-семилетке, затем возглавил школу коммунистической молодежи; последние годы преподавал там естествоведение, химию и географию. 31 декабря 1932 — арестован по групповому делу, 5 апреля 1933 — приговорен к 5 годам ссылки и отправлен в Сыктывкар; работал на строительстве молочной фермы. В октябре 1933 — обратился за помощью к Марии Федоровне Андреевой.

<20 октября 1933>

«Глубокоуважаемая т<оварищ> Андреева!

Чувствую, что моя просьба еще более обременит Ваш труд, но зная Ваше отношение к трудящимся вообще и к учительству, в частности, я осмеливаюсь настоящим просить Вас прочитать прилагаемое при сем и, если найдете возможным, облегчить мою участь.

б<ывший> учитель И. Никитин-Громов.

20/Х-33 г<ода>»¹.

К письму было приложена подробная автобиография Ивана Никитича Никитина-Громова.

«Т<оварищ> Андреева!

Прадеды, деды и родители мои были рабами (крепостные), от которых я и родился в захолустной деревнюшке (б<ывшей> Псковской губ<ернии>) в нищете. Детство мое протекло в курной избушке на печи, возле больной матери, утратившей свое здоровье на барщине. С 7-ми летнего возраста пас гусей у соседа кулака-богатея за 2 пуда хлеба за весенний и летний период. Зимой, помимо воли родителей — бедных, забитых барской плетью, бегаю, почти нагишом, в школу. По окончании школы поступаю в хлебопекарню в г<ороде> Пскове, где в подвальном сыром помещении работал по 18 часов в сутки. Здесь же работали два старших моих брата. Один из них получил чахотку и умер во цвете лет. Я понимал, что и мне грозит неминуемая смерть, если оставаться здесь, а поэтому уехал в тогдашний Питер, где поступил на бумагопрядильную фабрику. Мне было 14 лет от роду. Здесь я работал по 14 час<ов> в сутки, а в свободное время читал книжки, которыми меня снабжали люди, мне не известные. В конечном результате они посоветовали мне идти учиться. Но куда? Как? Ведь весь свой ничтожный заработок я слал своим нищим родителям. Наконец, бросил фабрику и вернулся в свою родную деревню, где в это время открыли школу грамоты. В нее назначили меня учителем. Мне было 17 лет. В названной школе я работал 4-ре года. Пришло время отбывать военную службу. В это время меня допускают до экзамена в Уч<ебную> Семинарию, куда я и был принят в качестве воспитанника. Здесь я учился сам и учил рабочих, в воскресной школе. Преподаватели Семинарии во главе с директором ходатайствовали за меня пред военными заправилами того времени, и мне дали отсрочку до окончания

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1046. С. 272. Автограф.

курса. Окончив курс Семинарии, я поступил учителем в только что открывшуюся земскую школу в глухом уголке б<ывшего> Новоржевского у<езда>, Псковской губ<ернии>. Пришлось бегать по деревням и уговаривать безграмотных родителей отпускать детей в школу. В этой школе (Плесская) я работал 10 лет один при 3-х группах с 120 учащимися. Причем, в школу приходилось производить по жребью, т<ак> к<ак> всех желающих учиться нельзя было поместить в нее. Прослужив 10 лет в этой школе, меня перевели в 2-х классную земскую школу, где я работал до революции и во время самой революции. Революция выдвинула новый тип школы — 7-ми летку, меня ставят во главе ее. Семилетку, через некоторое время, преобразовывают в Ш<колу> К<оммунистической> М<олодежи>, которой я руководил несколько лет и выковывал честных Сов<етских> работников. Физические мои силы слабели, и я стал просить снять с меня заведование. Просьба была удовлетворена чрез два года, но школы я не покинул, а остался в ней работать и работал без единого дня перебоя в качестве преподавателя естествоведения, химии и географии. Помимо школьной работы все время вел работу среди окружающих деревень, готовил новые кадры учащихся<ся>, где читал лекции в едино-трудовой школе.

В связи с коллективизацией не спал целыми ночами, проводя собрания среди крестьянства. Последние, в особенности беднота, начали прислушиваться ко всему новому, доселе неведомому, и в результате основывается колхоз. Кулаки и дер<евенские> богатеи смеялись надо мною, называли большевиком, продажной шкурой. Я не обращал внимания и, не вступая с ними в ссору, настойчиво продолжал дело, чутко прислушиваясь к призыву и указаниям партии ВКП (б). Так протекала моя жизнь, моя работа до дня моего ареста, который, как снег на голову, упал на меня в ночи, с 31-го декабря 32 г<ода> на 1-е января 33 года.

Отнятый от родного детища — школы, я томился 5-ть м<еся>цев в тюрьмах, а затем, по постановлению Ленинградской тройки от 5-го апреля 33 г<ода>, дело № 159, меня выслали в Сев<ерный> край, Область Коми, в г<ород> Сыктывкар, сроком на 5-ть лет.

Не имея никакого материального обеспечения и не имея возможности найти применение своих знаний среди местного населения, т<ак> к<ак> я не обладаю зырянским языком, приходится заниматься физическим трудом (корчевка леса), который мне, почти 60-ти летнему старику, не по силам.

Страшная голодная и холодная смерть приближается, и я чувствую, что вместо отдыха после 40-ка летней работы на полосе народн<ого> просвещения, мне суждено погибнуть среди лесов Коми в совершенном одиночестве, будучи оторванным от любимой мною работы и подруги жизни — жены, такой же больной старушки учительницы, как и я, проработавшей вместе со мною в школе 30 лет и до сего времени не покидавшей ее.

Что же за причина, вызвавшая столь жестокий для меня приговор? Ответить на данный вопрос не могу, но из предъявленного обвинения (ст<атья> 58 Уг<оловного> Код<екса>, пункт 11) видно, что мне приписали какую-то кружковщину, о которой я не имел и до сего времени не имею никакого понятия. Под обвинением, в силу обстоятельств, от меня независящих, пришлось подписаться.

И вот результат — вместо отдыха в колхозе, мною основанном (я думал дожить там свои дни и на старости быть полезным членом в бытовом отношении среди членов колхоза), мне старому, немощному, всю свою жизнь отдавшему просветительной работе среди братьев-крестьян, — голодная и холодная смерть в ссылке. Сознвая всю свою правоту — тяжело, больно и обидно!

В заключение, как человек преклонных лет и как старик-учитель, заверяю Вас своим честным словом, что никогда и нигде я не состоял ни в каком кружке, ни в какой партии, но всю свою работу (и в стенах школы, и вне ее) всеми силами и разумением старался согласовать с указаниями партии ВКП (б), все ее задания выполнял честно, за что со стороны партийных организаций ВКП (б) имею благодарственные адреса. Такие же адреса имею от учащихся, учащихся, пионеров, комсомола и др<угих>.

На основании всего вышеизложенного обращаюсь к Вам и прошу: 1-е, освободить меня из ссылки и проживать вместе со своею одинокою и больною (эпилепсия) женою; 2-е, если нельзя допустить первого, то перевести меня в более южные губ<ернии> с русским населением и 3-е, не имея возможности заработать кусок хлеба физ<ическим> трудом (болезни и старость — помеха), дать мне пенсию, выслуженную честным трудом учителя, которую я получал до момента ареста.

Никитин (Громов) Иван Никитич.

Мой адрес: Сев<ерный> Край.
Область Коми (зырян), г<ород> Сыктывкар,
почт<овое> отдел<ение> Слобода,
строительство молочной фермы»².

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1046. С. 261-275. Автограф.